

Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX — начало XX в.)

Евгений Крестьянников

Judicial reform in Siberia: financial aspects (late 19th — early 20th century)

*Evgeniy Krestyannikov (Tobolsk Complex Scientific Station,
Russian Academy of Sciences, Ural Branch; Tyumen State University, Russia)*

Великие реформы Александра II знаменовали собой вступление России в совершенно новую эпоху, изменившую роли государства, общества и личности, по-новому расставившую задачи самодержавия. Правящие круги, стремившиеся с помощью либеральной политики увеличить ресурсы империи, постепенно осознали, что финансовые инвестиции, правильно применённые в сфере, не дающей прямой выгоды, в будущем способны принести немалый доход. Значительные затраты, требовавшиеся для осуществления судебной реформы, казались её разработчикам вполне оправданными. «Недостаток денежных средств, коими может располагать правительство, независимо от общих экономических условий, — рассуждали создатели Судебных уставов 1864 г., — происходит в особенности от несовершенства основных органов отправления правосудия, составляющего главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги без кредита не составляют капитала производительного, а кредита не может быть при беспорядке в судебном ведомстве и потому, если действительно нет денег, то усовершенствования судоустройства не только полезны, но необходимы, и сама нехватка денег составляет не возражение против усовершенствований в судебном ведомстве, а доказательство их необходимости»¹.

Новому суду предстояло заменить учреждения со сложной процедурой, зависевшие от администрации и занимавшие в системе государственного управления приниженное положение. Их финансирование в дореформенной России, где, как верно отметил Р.С. Уортман, устоялось «презрительное отношение к суду»², было мизерным. Даже в официальной историографии начала XX в. признавалось, что «суммы, ассигновавшиеся на содержание судебных мест, а в особенности уголовных и гражданских палат, были совершенно недостаточны, и настоятельно требовалось их увеличение»³. Новая судебная система должна была отличаться в том числе и достойным материальным обеспечением. Без существенного увеличения жалования служащих, по мнению министра юстиции Д.Н. Замятина, реформа оказалась бы несостоятельной и от неё пришлось бы отказаться⁴.

© 2018 г. Е.А. Крестьянников

Статья подготовлена при поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0024 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири XIX — первой половины XX вв.)».

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 3. СПб., 1867. С. XL.

² Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 11.

³ Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902: Исторический очерк. СПб., 1902. С. 35.

⁴ Кони А.Ф. Новые меха и новое вино // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 243. Министерство юстиции за сто лет... С. 94.

Однако, вследствие своей дороговизны преобразование неизбежно должно было растянуться на десятилетия, и в Министерстве юстиции, при Замятине, вполне осознавали подобную перспективу⁵. Неудивительно, что реализация реформы официально завершилась лишь в 1899 г.⁶, а расходы на новые учреждения, постепенно открывавшиеся в Европейской России, как выразился уже в 1890-е гг. министр юстиции Н.В. Муравьёв, «естественно должны были отодвинуть несколько на второй план заботы об улучшении управления и суда в Сибири»⁷. Познакомиться с новой юстицией сибиряки смогли только во втором полугодии 1897 г. — после введения «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири», утверждённых 13 мая 1896 г.⁸

В эпоху реформаторской эйфории 1860-х гг. ни в записках, поступавших от местных чиновников и общественных деятелей, ни в столичных канцеляриях не рассчитывалась предположительная стоимость проведения судебной реформы в Сибири, обсуждалась лишь возможность приспособить те или иные положения уставов к условиям края, представления о котором даже у близко знакомых с ним должностных лиц были порою взаимоисключающими⁹. Так, в 1850-е гг. западно-сибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд называл регион «в общем смысле, огромным острогом»¹⁰, а его подчинённый В.А. Арцимович, ставший в 1854 г. тобольским губернатором, напротив, утверждал: «Сибирь не есть страна для нас чуждая и предназначенная, как думают многие, исключительно для ссылки и наказания преступников. Сибирь есть часть России и одна из важнейших её частей»¹¹. Широко распространённый образ бедного, безлюдного, некультурного края, вряд ли способного к промышленному развитию, из-за неблагоприятных климатических условий не имеющего «никакого значения как земледельческая страна», подразумевал, будто «один Невский проспект, по крайней мере, в пять раз ценнее всей Сибири»¹². Однако в 1880 г. основатель Императорского Томского университета В.М. Флоринский, добираясь на пароходе от Тюмени до Томска, под впечатлением от увиденного, предсказывал: «Дайте Сибири, как и остальной России, новые порядки, новые суды и такие же средства низшего и высшего образования, тогда явятся и промышленные центры, и цветущие города»¹³.

В 1860-х — начале 1880-х гг. потребности судебных учреждений окраины фактически игнорировались. Западносибирский генерал-губернатор Г.В. Мещеринов во всеподданнейшем отчёте за 1880—1881 гг. писал: «Десять лет тому назад

⁵ РГИА, ф. 1275, оп. 1, д. 52, л. 7—7 об.

⁶ Высочайший рескрипт, данный на имя министра юстиции, статс-секретаря, тайного советника Муравьёва // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 7. С. 3—4.

⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 1.

⁸ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. I. СПб., 1899. № 12932.

⁹ Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863; Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863; Соображения особого отдела комиссии, Высочайше утверждённой для работы по преобразованию судебной части, по предложениям главных местных начальств и должностных и частных лиц сибирского края о применении Высочайше утверждённых 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части к Сибири. [СПб., 1867]; *Игнатьева М.Н.* Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. Якутск, 1995. С. 34—41; *Арефьев Н.В.* За пределами Европейской России. I. В Сибири // Северный вестник. 1896. № 1. С. 48—51.

¹⁰ Государственный архив Омской области (далее — ГА ОО), ф. 3, оп. 3, д. 3410, л. 101 об.

¹¹ «Близкое познание Сибири ныне необходимо». Доклад В.А. Арцимовича. 1852 г. / Публ. Н.Н. Александровой // Исторический архив. 1996. № 5/6. С. 195.

¹² *Альшуллер М.И.* Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 73; Сибирский вестник. 1888. 19 октября.

¹³ Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Русская старина. 1906. № 4. С. 124—125.

Министерство юстиции заявляло, что увеличение содержания сибирского судебного ведомства не должно отлагаться даже на короткое время без явного ущерба достоинству суда. Несмотря на то, оклады жалования, определённые в 1856 г. для Тобольской и Томской губерний, для Главного управления Западной Сибири, остались без изменения»¹⁴. Действительно, закон 6 декабря 1856 г., повышавший жалование должностных лиц¹⁵, давно устарел, поскольку за 30 лет, прошедших с момента его издания, «сибирские цены», по данным председателя Иркутского губернского суда А. Клопова, выросли в четыре раза¹⁶. Материальное положение судейских чинов за Уралом, по оценке Д.Н. Набокова, руководившего в 1878–1885 гг. Министерством юстиции, «граничило с нищетой»¹⁷. Министр осознавал «крайнюю неудовлетворительность положения судебной части в Сибири»¹⁸, но никаких попыток что-либо изменить не предпринимал.

После войны 1877–1878 гг. из-за недостатка денежных средств правительству пришлось отказаться от идеи коренного реформирования сибирских судов¹⁹. К тому времени и в публицистике, и в правящих кругах всё чаще высказывалась мысль о том, что «новый суд не по деньгам казне, не по деньгам народу», как писал, например, влиятельный «железнодорожный магнат» П.Г. фон Дервиз²⁰. При планировании судебных преобразований в Сибири министерства юстиции и финансов отныне внимательно изучали смету расходов.

С 1885 г. началось внедрение в сибирские судебные порядки элементов состязательности и гласности процесса, совершенствование прокурорского надзора и предварительного следствия²¹. При этом Министерство юстиции собиралось лишь «незначительно» повысить жалование судейских чиновников «наименее обременительными для казны» способами²² (Министерство финансов отказало довести его размер до уровня тех регионов, где действовали уставы 1864 г.)²³. Местная общественность сразу же обратила на это внимание. «Сибирский вестник» констатировал: «Оклады содержания судебным следователям, членам окружных и канцелярии губернских судов назначены всё-таки недостаточными, и это, очень вероятно, окажет своё влияние на личный состав новых судебных деятелей»²⁴. Чиновники осознавали это ещё более остро. Не случайно перед реформой сибирского правосудия в 1896 г. тобольский губернский прокурор С.Г. Коваленский напомнил: «Существующие в настоящее время оклады низших чинов судебного ведомства

¹⁴ Коллекция Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник». Вспомогательный отчёт генерал-губернатора Западной Сибири за 1880–1881 гг., л. 17.

¹⁵ ПСЗ-II. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1857. № 31222.

¹⁶ РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 10393, л. 111.

¹⁷ Там же, ф. 1149, оп. 10, д. 4а, л. 1 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 2; Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 121.

²⁰ Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон Дервиза. 1881 г. // Русская старина. 1885. № 6. С. 596.

²¹ ПСЗ-III. Т. 5. СПб., 1887. № 2770. Говоря об этом непоследовательном переустройстве, слово «реформа» было принято заключать в кавычки. См., в частности: *Вологодский П.В.* Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 5.

²² ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 121.

²³ РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107д, л. 1 об., 53 об.

²⁴ Сибирский вестник. 1885. 16 мая.

в Тобольской губернии настолько незначительны, что принимать их в расчёт при исчислении содержания будущим судьям невозможно»²⁵.

Половинчатое преобразование 1885 г. единодушно признавалось неудачным. Сохранение дореформенных судебных порядков служило преградой экономическому развитию не только Сибири, но и всей империи, ограничивая предпринимательскую деятельность и приток иностранных капиталов²⁶. Иностранцы опасались судиться в регионе, а зарубежные страховые компании отказывались страховать речные суда, плававшие по сибирским рекам²⁷. Между тем в 1890-е гг. край бурно развивался. «За десять последних лет и в особенности с начатием работ по постройке железной дороги, — утверждал в 1896 г. в Государственном совете Муравьёв, — Сибирь поразительно ушла вперёд, и нынче вся она настоятельно требует преобразования суда»²⁸. Учитывая это, осенью 1893 г. в Министерстве юстиции был подготовлен проект образования в Тобольской и Томской губерниях шести мировых участков (вдоль линии строившегося Транссиба)²⁹.

Ревизия судебных учреждений Западной Сибири, проведённая обер-прокурором Сената П.М. Бутовским в 1892 г., вновь подтвердила необходимость скорейшей замены дореформенных институтов судостроительства и судопроизводства в крае³⁰. Перед возглавившим в январе 1894 г. Министерство юстиции Муравьёвым император поставил задачу не только пересмотреть Судебные уставы, но и завершить их распространение на всю империю³¹. 20 октября 1894 г. была создана специальная комиссия под председательством Бутовского, ставшего товарищем министра, для разработки проекта преобразования сибирского суда³². Составить его предполагалось, не дожидаясь итогов работы «муравьёвской» комиссии, учреждённой для приведения норм 1864 г. в соответствие с российской действительностью³³ и всерьёз обсуждавшей планы «упрощения правосудия», «приближения» суда к жителям, «проникновения» его «безличным правительственным началом», установления «бдительного и строгого» «воздействия на суд», а также способы «удешевить» его для населения «без лишнего отягощения казны»³⁴. Поскольку предполагалось, что комиссия, по словам Муравьёва, принималась «в соображение»³⁵, Сибирь испытала всю противоречивость правительственной

²⁵ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 17.

²⁶ См.: *Ремнёв А.В.* Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX — начала XX вв. Омск, 1997. С. 205–206.

²⁷ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 125.

²⁸ *Муравьёв Н.В.* Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб., 1900. С. 393.

²⁹ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 6.

³⁰ РГИА. Библиотека. Отчёт о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведённой в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором Первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским; ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 8–41 об.

³¹ Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьёва о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894–1904 гг.) // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 2. С. 35.

³² РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 240, л. 1.

³³ О работе комиссии, действовавшей до 1899 г., см.: *Taranovski T.* The Aborted Counter-Reform: Murav'ev Commission and the Judicial Statutes of 1864 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1981. № 2. Р. 161–184. А.Ф. Кони называл её комиссией «об упразднении Судебных уставов» (*Полянский Н.Н.* Мировой суд // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. Т. 2. М., 1915. С. 269).

³⁴ Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб., 1901. С. 32–33.

³⁵ Всеподданнейший отчёт министра юстиции за 1896 г. [СПб., 1897]. С. 5.

судебной политики конца XIX в.³⁶, получив сильно искажённый, «окраинный» вариант уставов: без суда присяжных, советов присяжных поверенных, съездов мировых судей, но с совмещением судебных и следовательских функций в руках мировых судей (во многих местностях они исполняли ещё и обязанности нотариусов), которые не выбирались, а назначались. Кроме того, для «приближения» к населению учреждениям юстиции предписывалось перемещаться в границах своих округов и участков и т.д.

Неудивительно, что по мере расширения территории, на которой действовали Судебные уставы 1864 г., и внушительного роста издержек на содержание судов утилитарные соображения всё чаще одерживали верх, а гетерогенность империи вынуждала к поиску новых форм приспособления правосудия к разнообразным пространствам, вызывая многочисленные корректировки в судостроительстве и судопроизводстве. Чем дальше двигалось преобразование от густонаселённого центра к полупустынным окраинам, тем обширнее становилась площадь, на которую распространялась подсудность того или иного органа юстиции и тем менее доступным он становился. Стремление же членов «муравьёвской» комиссии обеспечить россиян качественным и близким правосудием в условиях крушения либеральных идеалов эпохи Великих реформ побуждало отказаться от представлявшегося всё более отвлечённым начала разделения властей и попытаться, напротив, совместить в руках одних и тех же чиновников разные функции, уменьшив их численность и снизив затраты на содержание судейского аппарата.

Так, весьма рациональной казалась идея возложить на сибирских мировых судей обязанности подчинявшихся прокурорам судебных следователей, что не вполне соответствовало принципу независимости суда, но позволяло содержать одного чиновника (судью-следователя) вместо двух (судьи и следователя по отдельности) или, не увеличивая расходы, создать более мелкие судебно-следственные участки³⁷. Подобные опыты уже делались в 1866 г. в Закавказье, а в 1888 г. — в Архангельской губ., но их результаты обычно признавались неудачными³⁸. Именно Сибирь стала образцом для дальнейших преобразований в Черноморской губ. и Центральной Азии³⁹.

В «муравьёвской» комиссии соединение следовательских и судейских обязанностей признавалось неизбежным, хотя некоторые её члены предсказывали, что результатом этого будет «коренное ухудшение существующего судебного строя»⁴⁰.

³⁶ См.: *Wagner W.G. Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies // The Slavonic and East European Review. 1976. № 3. P. 371–394.*

³⁷ Согласно «Учреждению судебных установлений» 1864 г., судебные следователи считались членами окружного суда (ст. 79) и могли участвовать в его заседаниях «в случае недостатка наличных членов» (ст. 145–146). Однако ст. 147 предусматривала, что приглашённые в заседание окружного суда судебные следователи (ст. 146) не могут участвовать в решении «тех уголовных дел, по коим они производили следствие» (ПСЗ-II. Т. 39. Отд. 2. СПб., 1867. № 41475).

³⁸ ПСЗ-II. Т. 41. Отд. 2. СПб., 1868. № 43880. Ст. 5; ПСЗ-III. Т. 8. СПб., 1890. № 5630. Ст. 13; *Гессен И.В.* Судебная реформа. СПб., 1905. С. 249–250; *З.* По поводу жалоб на кавказские суды // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 10. С. 2; *Красовский А.* Следственная часть в Закавказском крае // Там же. 1885. № 9. С. 17; *Элленбоген А.* Мировой суд в Архангельской губернии // Там же. 1893. № 8. С. 33–41; *Стаматов П.* Судебные следователи и участковые судьи // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1897. № 8. С. 32–34.

³⁹ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 1. № 12995; Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15493; Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 16490.

⁴⁰ Высочайше учреждённая комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1900. С. 50.

Сам Муравьев ревностно отстаивал идею судебно-следовательского института до самого ухода с поста министра в 1905 г. даже несмотря на то, что тот давал на практике очевидные для всех сбои. Рассказывали, что в начале XX в. намеревавшихся встретиться с главой Министерства юстиции предупреждали: «Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно — поставите себе крест; он не выносит такого мнения»⁴¹. Среди членов комиссии Бутовского желающих спорить с властолюбивым и нетерпимым к чужому мнению начальником⁴² не было. Более того, участвовавший в её заседаниях Коваленский в своей записке о судеустройстве в Тобольской губ. доказывал желательность приближения судебной власти к населению, достигавшегося «при условии слияния в одном лице, по возможности, судебных функций» и сулившего к тому же сокращение «чрезмерных денежных расходов»⁴³.

Насколько необременительные по отдельности обязанности судьи и следователя окажутся тяжёлыми вместе, принесёт ли их соединение пользу правосудию и какой это даст экономический эффект, показать могло только будущее. Но определение штата предполагало немедленные расходы, а от правильного его укомплектования напрямую зависела результативность деятельности новых судебных учреждений. Между тем комиссия Бутовского воспользовалась заведомо неверным методом подсчёта необходимого краю числа мировых судей, фактически не приняв во внимание их многофункциональность и неотвратимое увеличение дел, всегда следовавшее за введением в действие Уставов 1864 г. Её членами использовались данные о производстве дел в дореформенных сибирских судах, которые механически вдвое уменьшили (поскольку мировым судьям предписывалось выполнять две главные функции), а также принятые в России предельно высокие нормы судейских и следовательских нагрузок. Неудивительно, что высчитанный в результате необходимый численный состав мировых судей в Сибири оказался явно недостаточным⁴⁴.

Схожим образом определялись функции и штат общих судебных установлений. Окружным судам края предстояло передвигаться в пределах собственных округов для проведения выездных сессий и выполнять несвойственные им обязанности, прежде всего съездов мировых судей (образовать их, как полагали в комиссии, препятствовали некие «значительные затруднения»⁴⁵). Необходимое количество служащих окружных судов рассчитывалось при этом довольно странно. В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» говорилось, что ежегодно члены судов «по опыту успевают отправлять каждый по 450 дел». На эту цифру чиновники Министерства юстиции машинально, как и в случае с мировым судом, разделили среднегодовое число дел, производившихся в первой половине 1890-х гг. в губернских дореформенных судах. Соответственно в состав Тобольского окружного суда включались 8 членов,

⁴¹ Ануцин В.Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 46/47. С. 36–37.

⁴² Подробнее о Н.В. Муравьеве см.: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1996. С. 247.

⁴³ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 10 об.—11.

⁴⁴ О манипуляциях вокруг определения штата сибирской мировой юстиции см.: Крестянинков Е.А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 15–16.

⁴⁵ Временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями. Составил, с разрешения г. министра юстиции, член консультации при Министерстве юстиции М.П. Домершиков. СПб., 1897. С. 12.

Томского — 7, Иркутского и Красноярского — по 6 и т.д.⁴⁶ Тем самым судебные учреждения края изначально обрекались на перегруженность делами и медленность их рассмотрения. Так, «Сибирский вестник» в 1896 г. предупреждал: «Членам сибирских окружных судов не легко будет справиться со своими многочисленными и разносторонними обязанностями»⁴⁷.

Едва ли не основную причину задержки судебной реформы в Сибири представители местной общественности видели в нежелании правительства создавать дорогостоящие судебные палаты⁴⁸. Между тем некоторые современники считали, что в регионе их должно быть три⁴⁹. В комиссии Бутовского отмечали «желательность» учреждения в крае двух палат, но предвидя «значительный расход» и учитывая отнесение Тобольского окружного суда к юрисдикции Казанской судебной палаты, допускали учреждение одной судебной палаты в Иркутске⁵⁰. В её штат включалось 11 чиновников⁵¹, тогда как в каждой из десяти палат Европейской России, по данным на 1889 г., — в среднем по 21 сотруднику⁵². В округе Иркутской судебной палаты проживали 4 млн 288 тыс. человек, в самом малонаселённом из округов других палат — Виленском — 6 млн 915 тыс. жителей. Но в штате Виленской судебной палаты было 20 чиновников⁵³. Только 4 300 руб. ежегодно выделялось из казны на содержание дополнительного штата Казанской судебной палаты, обслуживавшего огромную Тобольскую губ.⁵⁴ При этом круг деятельности сибирских судей был существенно шире обычного. Закон 13 мая 1896 г. сделал судебную палату кассационной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами в качестве съездов мировых судей (ст. 37 и 69). Таким способом чиновники Министерства юстиции рассчитывали ускорить судопроизводство и сделать его более доступным для населения⁵⁵.

Содержание судебных служащих в Сибири соответствовало окладам, указанным в Уставах 1864 г., хотя они уже признавались «ныне совершенно недостаточными». Чиновники Министерства юстиции не решались предоставить им «несколько высшие оклады», «во избежание, по возможности, всякого неравенства в служебном положении». Кроме того, по их опасениям, «в случае установления для должностных лиц новых судебных мест в Сибири более высоких, чем в других местностях России, окладов содержания, затраты Государственного казначейства, вызываемые проектированным распространением на упомянутый край судебной реформы, увеличились бы в весьма значительной степени, что могло бы повести к некоторому замедлению в приведении в исполнение предположенного преобразования»⁵⁶.

Тем самым, если раньше, согласно сопровождавшему закон 13 мая 1896 г. Высочайшему рескрипту Муравьёву, введение Судебных уставов в Сибири откладывалось «по причинам финансовым и по настоятельной неотложности других

⁴⁶ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 167–168.

⁴⁷ Сибирский вестник. 1896. 2 июня.

⁴⁸ Восточное обозрение. 1893. 3 июня.

⁴⁹ Внутреннее обозрение. Судебная реформа в Сибири // Северный вестник. 1896. № 6. С. 272.

⁵⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 136.

⁵¹ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. СПб., 1899. № 12932.

⁵² Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. Вып. 5. СПб., 1890. С. 1.

⁵³ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1897 г. Вып. 13. СПб., 1899.

С. 56.

⁵⁴ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. № 12932.

⁵⁵ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 45.

⁵⁶ Там же, л. 171 об.—172.

важных задач государственного строительства»⁵⁷, то в конце XIX в. от нехватки средств зависели основные черты новых учреждений и организации судопроизводства. Это привело, по выражению томского адвоката Р.Л. Вейсмана, к созданию в крае «правосудия на дешёвых началах»⁵⁸. Муравьёв, в одной из своих речей «суд дешёвый» называвший «судом плохим»⁵⁹, сумел убедить членов Государственного совета в том, что минимизация расходов является одним из главных достоинств задуманного преобразования⁶⁰. Николаю II он с гордостью докладывал о том, что затраты на содержание «сибирского судебного округа» удалось уменьшить по сравнению с остальными более чем на четверть⁶¹.

Подобная экономия поставила Министерство юстиции в весьма затруднительное положение через полтора года при обсуждении проекта распространения Судебных уставов на Степной край и Туркестан, где предусматривалось гораздо более щедрое финансирование новых учреждений, чем в Сибири. Между тем, по мнению чиновников финансового ведомства, «условия для введения судебной реформы в Степных областях и Туркестанском крае» были «более благоприятными» — уже много лет там действовали на основании Уставов 1864 г. мировые судьи и их помощники, судебные следователи и лица прокурорского надзора. Однако содержание сибирского мирового судьи (2 900 руб. в год) существенно отличалось от того, которое предполагалось выдавать в Степном крае и Туркестане (4 000 руб.); довольно чувствительной (500 руб.) была и разница в оплате их «канцелярий»⁶². Муравьёву пришлось констатировать: «При определении размера кредита, необходимого на объяснённый предмет для указанных местностей едва ли возможно руководствоваться нормой, принятой для Сибири, так как сумма, ассигнованная в распоряжение Министерства юстиции на единовременные издержки по введению в сём крае судебной реформы, представлялась недостаточной для покрытия всех подлежащих отнесению на неё расходов». Выяснилось также, что приезжавшим тогда в Сибирь чиновникам «были выданы, ввиду недостатка средств, суммы, которыми не могли быть покрыты все расходы, вызываемые поездками на новое место службы»⁶³.

В итоге затраты на реформирование суда в Центральной Азии пришлось несколько сократить⁶⁴. Но и после этого, если в Сибири единовременные расходы на введение Судебных уставов составили 600 тыс. руб. на 413 чиновников, то в Степном крае и Туркестане — 445 тыс. руб. на 251. Таким образом, каждый сибирский служащий обходился казне дешевле туркестанского на 321 руб. Разница в содержании мировых судей была ещё заметнее. Каждый из них в Сибири после реформы стоил государству на 600 руб. меньше, чем в Центральной Азии⁶⁵. Примечательно, что и в Черноморской губ. по закону 23 мая 1896 г. мировые судьи (правда, их было всего четыре) получали на свою деятельность больше денег: им прибавлялось по 200 руб. «на разъезды»⁶⁶.

⁵⁷ Временные правила о применении Судебных уставов... С. 1.

⁵⁸ Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4. С. 46.

⁵⁹ Муравьёв Н.В. Последние речи. 1900–1902 гг. СПб., 1903. С. 106.

⁶⁰ Муравьёв Н.В. Из прошлой деятельности. С. 400.

⁶¹ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.

⁶² Там же, ф. 1149, оп. 12, д. 38, л. 60–61; ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 173.

⁶³ РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 38, л. 66 об., 68–68 об.

⁶⁴ Там же, л. 493–493 об.

⁶⁵ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 1. № 12932; Отд. 2. № 12932; Т. 18. Отд. 1. № 15493; Отд. 2. СПб., 1901. № 15493.

⁶⁶ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 1. № 12995.

Как ни странно, при подготовке сибирской судебной реформы игнорировался тот очевидный факт, что жизнь в крае была дороже, чем в остальных частях империи. Когда Муравьёв в июле 1897 г. открывал новые судебные учреждения в Иркутске и Томске, ему об этом настойчиво напоминали местные чиновники⁶⁷. На рубеже XIX–XX вв. в губернских и областных городах Сибири, где проживало большинство судей, цена на ржаной хлеб доходила до 6 коп. за фунт, стоимость мяса любого качества колебалась в пределах 10–12 коп., возрастая, например, в Благовещенске до 18 коп. В то же время в городах Туркестана, также не дешёвых для жизни, хлеб стоил обыкновенно 2 коп., а мясо «лучшего сорта» — 9–10 коп., понижаясь в уездных центрах до 6 коп. Как правило, заметно дороже обходились и сибирские квартиры (включая камеры мировых судей)⁶⁸.

Вместе с тем реализация реформы выявила необходимость большого количества профессионально подготовленных судей, и выяснилось, что обучение одного юриста в Европейской России и последующее его обустройство в Сибири требует около 8 тыс. руб. Поэтому было принято решение готовить правоведов «на месте»⁶⁹. 29 декабря 1897 г. в Императорском Томском университете в дополнение к медицинскому был учреждён юридический факультет⁷⁰. Первые студенты окончили его в 1902 г.⁷¹, а за последующие десять лет, по словам ректора университета профессора В.В. Сапожникова, «юридический факультет выпустил больше 400 лиц, пополнявших своими молодыми силами новые сибирские суды»⁷².

Деятельность новых судебных учреждений, открывшихся 2 июля 1897 г., сначала сопровождалась ликованием местного населения, ещё не понимавшего, что Уставы 1864 г. достались ему «в виде испорченном и укороченном», как заявил позже с трибуны Государственной думы сибирский депутат В.А. Караулов⁷³. Тот день местные публицисты называли «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири»⁷⁴, «началом новой эры»⁷⁵, утверждалось даже, что «ни один из провинциальных судебных округов не открывался с такой торжественностью, как сибирский»⁷⁶.

Но вскоре наступило разочарование. В тяжелейшем положении, как и следовало ожидать, оказались мировые судьи. В разных концах Сибири они в первые же дни столкнулись с непосильным объёмом работы, о чём сообщали местные и столичные газеты⁷⁷. О том же свидетельствовали и официальные служебные ведомости. К примеру, в отдельных участках Тобольской губ. во втором полугодии 1897 г. возникло дел больше, чем, согласно министерским предположениям, мировые судьи могли разобрать за год⁷⁸. По подсчётам председателя Томского

⁶⁷ Томский листок. 1897. 13 июля.

⁶⁸ Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 0360–0362, 0418–0419.

⁶⁹ Отчёт по делопроизводству Государственного совета за сессию 1897–1898 гг. СПб., 1898. С. 46–47; Сибирская жизнь. 1897. 31 декабря.

⁷⁰ ПСЗ-III. Т. 17. СПб., 1900. № 14841.

⁷¹ Ляхович Е.С., Рёвушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 505.

⁷² Сапожников В.В. Императорский Томский университет // Город Томск. Томск, 1912. С. 7.

⁷³ Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. 1909. № 48. С. 46.

⁷⁴ Томский листок. 1897. 1 июля.

⁷⁵ Иркутские губернские ведомости. 1897. 9 июля.

⁷⁶ Восточное обозрение. 1897. 24 августа.

⁷⁷ См., например: Право. 1898. 6 декабря; Томский листок. 1897. 13 июля; Сибирская торговая газета. 1897. 26 июля; и др.

⁷⁸ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 869, л. 80–81.

окружного суда Ф.Ф. Делпа, в начале 1898 г. следственных дел в мировые установления поступало вдвое, а судебных — втрое больше допустимого⁷⁹.

Некоторым критически настроенным современникам казалось, будто «заброшенная и глухая страна, долго жаждавшая первых лучей истинного правосудия, так страстно бросилась им навстречу, что крайне затруднила первые шаги новой юстиции»⁸⁰. Однако со временем перегрузки только возрастали. Так, к 1909 г. в Томской губ. остались нерешёнными 24015 уголовных дел мировой подсудности, в Тобольской губ. — 9729. С такими показателями западносибирский мировой суд прочно занимал первое место по волоките среди всех регионов империи⁸¹.

Мировые судьи нередко вынуждены были трудиться в неприсутственные дни⁸². Некоторые из них, как писал Вейсман, «буквально сходили с ума»⁸³. Мировой судья 5-го участка Змеиногорского уезда Томской губ. А.И. Покровский объяснял неправильное применение статьи Устава о наказаниях по одному из дел «случайным мимолётным затмением или потемнением памяти», связанным с «переутомлением нервной системы, вызванным чрезвычайно напряжённой деятельностью»⁸⁴. По наблюдениям томского судебного деятеля В.Н. Анучина, захворав, мировые судьи «перемогались и работали, пока не сваливались». Не справляясь со служебными обязанностями, они зачастую предпочитали увольняться, а вместо них министерству часто приходилось назначать некомпетентных и неквалифицированных лиц; обычной стала практика пополнения местных судов крестьянскими начальниками, врачами, судебными секретарями⁸⁵.

В полной мере проявилась и материальная необеспеченность новых учреждений. Томский мировой судья П. Покровский, покидая свой пост уже в 1898 г., писал: «Работать в должности мирового судьи мне пришлось при таком огромном числе дел и при столь незначительных окладах квартирных и канцелярских денег, что в первый же год этой службы я и здоровье своё расстроил, и личного денежного долга для поддержания необходимого порядка в своей канцелярии сделал больше 1 200 руб., каковой долг и уплатил впоследствии из своих средств»⁸⁶. В июле 1897 г., не прослужив и месяца, подал в отставку мировой судья крупного восточносибирского села Тулун, объяснявший принятое им решение «недостаточностью получаемого жалования, которого при здешних ценах на квартиры и труд писцов едва ли может хватить семейному человеку»⁸⁷.

Действительно, денег, выделявшихся на служебные расходы, катастрофически не хватало, и некоторые судьи считали главным препятствием своей деятельности «крайне недостаточный размер канцелярских средств»⁸⁸. Зачастую нечем было оплачивать наём, освещение и отопление камер, труд сторожей и письмоводителей, покупку сейфов, мебели и т.п. В 1908 г. мировые судьи Томска создали специальную комиссию, поручив ей определить сумму, необходимую для

⁷⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 254, л. 79 об., 80 об. — 81.

⁸⁰ Плотников М. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 2. С. 201.

⁸¹ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. Вып. 25. СПб., 1911. С. 226–230.

⁸² Томская хроника // Сибирские отголоски. 1906. № 12. С. 14.

⁸³ Вейсман Р.Л. Указ. соч. С. 41.

⁸⁴ Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. 10, оп. 1, д. 142, л. 7–8.

⁸⁵ Анучин В.Н. Указ. соч. № 49/50. С. 38; № 51/52. С. 61. Анучин до своего перехода в адвокатуру девять лет состоял сибирским мировым судьёй.

⁸⁶ ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 11–12.

⁸⁷ Восточное обозрение. 1897. 27 июля.

⁸⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 254, л. 115.

нормального обеспечения их жизни и службы. Они собрали сведения о ценах в губернском городе, и оказалось, что на содержание камеры с канцелярией фактически тратилось 2800 руб. в год, тогда как казна на эти нужды отпускала всего 1200 руб. Поэтому нанимались тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, из-за чего судей преследовала простуда, а во вспомогательный персонал попадали случайные и неблагонадёжные люди⁸⁹.

На рубеже первого и второго десятилетий XX в. Юридическое общество при Томском университете, представлявшее собой содружество профессоров и правоведов-практиков (члены окружных судов, прокуроры, адвокаты, мировые судьи), провело анкетирование судебных деятелей региона, результаты которого подтверждали то, что финансирование местной юстиции «неудовлетворительно», а «прогрессирующая дороговизна жизни в Сибири обрекает судей на очень скудное существование и влечёт к задолженности». Для изменения ситуации признавалось безусловно необходимым увеличить жалование каждого мирового судьи не менее, чем на 800 руб., повышая его затем за выслугу (после первого пятилетия службы — на 300, после второго — на 400, после третьего — на 500 руб.)⁹⁰.

От недофинансирования страдали и окружные суды, особенно чересчур отягощённые производствами западносибирские. В конце 1899 г. суд в Тобольске оказался в критическом состоянии. Его председатель С.В. Сукачёв телеграфировал в Министерство юстиции: «Сессия должна выехать 1 ноября; денег нет; прошу перевести телеграммой, иначе придётся сессию отложить — дела исключительно арестантские». Из Санкт-Петербурга пришёл холодный ответ: «Министерство лишено возможности удовлетворять в настоящее время поступающие от судебных установлений ходатайства об отпуске дополнительных средств»⁹¹. Хотя Томский окружной суд работал больше, чем многие суды в Европейской России, на содержание его канцелярии отпускалось в два-три раза меньше денег. Депп вскоре после реформы 1897 г. начал настойчиво ходатайствовать об увеличении канцелярских сумм, предупреждая, что ввиду недостатка средств «возможна полная приостановка деятельности суда на два месяца». Но из столицы отвечали отказом⁹².

В начале XX в. Томский окружной суд по количеству нерешённых уголовных дел занимал первое место среди сотни окружных судов империи; к концу первого десятилетия Тобольский и Томский окружные суды по медленности уголовного судопроизводства располагались на третьем—четвёртом местах в России⁹³. В ежегодных министерских отчётах они регулярно отмечались среди самых «нездоровых»⁹⁴. Между тем И.Г. Щегловитов, занявший в 1906 г. пост министра юстиции, «наиболее верным показателем приходящейся на каждого члена суда работы» считал количество «дел важнейших категорий»⁹⁵. По этому критерию

⁸⁹ ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 139, л. 1–23; д. 186, л. 433 об., 461–462.

⁹⁰ Реформа местного суда в Сибири // Труды Юридического общества при Императорском Томском университете. Вып. 2. Томск, 1911. С. 2–3, 17–18.

⁹¹ ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 158, 164–165.

⁹² РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 254, л. 14–17, 50–62 об.

⁹³ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. Вып. 17. Ч. 1. СПб., 1903. С. 62–71; Ч. 2. СПб., 1903. С. 16–17; Сборник статистических сведений... за 1909 г. С. 110–119.

⁹⁴ Всеподданнейший отчёт министра юстиции за 1908 г. СПб., 1909. С. 36; Всеподданнейший отчёт... за 1909 г. СПб., 1910. С. 41; Всеподданнейший отчёт... за 1910 г. [СПб., 1911]. С. 51; Всеподданнейший отчёт... за 1911 г. СПб., 1912. С. 49.

⁹⁵ РГИА, ф. 1409, оп. 6, д. 948, л. 5 об.

Тобольский окружной суд с 355 делами при норме в 150 с большим отрывом превосходил тогда остальные судебные учреждения империи⁹⁶.

При Муравьёве финансирование и личный состав сибирской юстиции фактически не усиливались. Признание необходимости расширения её сети, увеличения штатов и размеров жалования не только предполагало немалые затраты, но и свидетельствовало о недальновидности руководителей министерства. Но если расходы на судебную систему рассчитывались до копейки, то урон от её неустроенности оставался умоуловимым, что позволяло из фискальных соображений откладывать совершенствование правосудия. В итоге, благодаря нерасчётливой бюрократической экономности, в Сибири обычными явлениями становились нерасследованные убийства⁹⁷, неудовлетворённые гражданские иски и безнаказанные действия злоумышленников⁹⁸, многомесячное безнадёжное ожидание прибытия мирового судьи-следователя в свою камеру⁹⁹, искалеченные судьбы и разорившиеся предприятия и т.п.

Когда в ходе столыпинской аграрной реформы активизировалось переселение крестьянских масс на восток, несостоятельность сибирской судебной системы проявилась ещё резче. Население региона выросло в 1897–1911 гг. с 5 млн 760 тыс. до 9 млн 366 тыс. человек, особенно увеличившись в наиболее подверженных колонизации частях. Так, в те же годы жителей Томской губ. стало больше на 1 млн 746 тыс., а её южных алтайских уездов (Змеиногорского, Барнаульского, Кузнецкого и Бийского) — почти на 1 млн 100 тыс. человек¹⁰⁰. Однако растущие потребности края удовлетворялись медленно и слабо — правительство по-прежнему старалось избегать дополнительных расходов. Так, барнаульцы с 1903 г. неоднократно ходатайствовали об учреждении в городе окружного суда, обещая найти под него помещение на выгодных для казны условиях¹⁰¹, но только 22 апреля 1910 г. последовал закон о его учреждении (стоимость этого составляла 99 тыс. 300 руб. в год) и подчинении ему четырёх южных уездов Томской губ.¹⁰² Новый сибирский окружной

⁹⁶ Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1904 г. Вып. 20. СПб., 1904. С. 23.

⁹⁷ Тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман, указывая на крайнее расстройство предварительного следствия, сообщал о фактах длительного «окарауливания» населением мертвецов с признаками насильственной смерти до начала следственных действий и выяснения её причин. В одном из сёл такой труп пролежал без обследования 106 дней, что, по словам начальника губернии, вызывало «ропот» сибиряков. См.: РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 101. Отчёт о состоянии Тобольской губернии за 1909 г. С. 13.

⁹⁸ В августе 1909 г. Томский окружной суд собрал приговоры сельских сходов губернии, в которых выражалось отношение крестьян к состоянию судебной власти на местах. Из них следовало, что в некоторых районах мировая юстиция практически отсутствовала и это напрямую способствовало росту преступности, увеличению числа краж, распространению мошенничества и т.п. «К развитию всего этого, — говорилось в приговоре Ульбинского схода, — у нас способствует ещё то, что в нашем мировом участке давным-давно нет судьи; поэтому все уголовные дела лежат в нём без рассмотрения по несколько лет, от чего все мошенники привыкли судить так: “Э, жалуйся, когда улита едет, да когда приедет”». «Наш мировой участок, — заявляли крестьяне Белоусовского схода, — давным-давно находится без судьи, поэтому не только наши гражданские дела, но даже законные уголовные дела лежат в этом участке без движения» (ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 63, л. 81 об., 83).

⁹⁹ Из с. Братского Иркутской губ. в журнал «Русское богатство» писали: «В Сибири институт мировых судей введён уже около года, однако наше село ещё не видало ни разу своего судьи в камере... Говорят, что местный судья всё своё время посвящает обязанности следователя. Район, подлежащий ведению нашего судьи, так велик, дел, переданных ему дореформенными следователями, так много, что, по-видимому, мы не скоро дождёмся мирового суда» (*Плотников М.* Указ. соч. № 8. С. 170).

¹⁰⁰ Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 81, 88.

¹⁰¹ РГИА, ф. 1409, оп. 6, д. 948, л. 5.

¹⁰² ПСЗ-III. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33392.

суд открылся 1 ноября 1910 г.¹⁰³ и вскоре убедительно продемонстрировал своей деятельностью, насколько население в нём нуждалось. Общее количество уголовных дел, начатых в Томской губ., после создания суда на Алтае сразу же возросло в 1,4 раза¹⁰⁴.

Щегловитов вполне осознавал, что объём делопроизводства мировых судей в Сибири «в значительной мере превышал признаваемое для них нормальное количество служебной работы»¹⁰⁵. Закон 28 мая 1911 г. увеличил число мировых судей в Томской губ. на 21, Тобольской — на 14, Иркутской — на 9, Енисейской — на 7, в областях Приморской и Забайкальской — на 6 человек (в каждой)¹⁰⁶. В целом это принесло немалую пользу, но в некоторых частях бурно развивавшегося края их было всё же явно недостаточно. Характерно, что уже 20 июля 1911 г. председатель Барнаульского окружного суда возбудил ходатайство «об учреждении вновь 29 должностей мировых судей сверх учреждённых в силу закона 28 мая»¹⁰⁷. В алтайском округе, по данным официальной статистики, в том году производилось 56 415 дел мировой подсудности и 4 403 предварительных следствия. Для нормального их ведения, даже если использовать завышенные нормы, предусмотренные комиссией Бутовского, необходимо было около 80 чиновников. По штату же и после его расширения там действовали 39 мировых судей и 4 судебных следователя¹⁰⁸. Тем самым укомплектованность местных судебно-следственных органов, подчинённых Барнаульскому окружному суду, едва превышала 50%.

В этих условиях сибиряки быстро «охладели» к новому суду¹⁰⁹. Вместо близости судьи к народу наблюдались «отчуждённость, озлобленность» и пренебрежение¹¹⁰. Поставленная в конце XIX в. задача «заставить бы сибиряков забыть и самосуд, и бессудие»¹¹¹ не решалась. Анучин отмечал «повсеместные, неоднократные факты самосуда»¹¹². На Алтае в годы Первой мировой войны люди, подолгу не видя судей, «всё более и более убеждались» в необходимости наказывать преступников «народным судом и по народному праву». Так, пойманных воров крестьяне однажды «положили во временные могилы», т.е. заживо закопали в землю. Вместе с тем председатель Барнаульского окружного суда с тревогой констатировал, что отношение обывателей к мировым судьям стало «угрожающе враждебным», а их положение в сельских районах — невыносимым. Население угрожало им насильственными действиями и вынуждало бежать из своих участков. Например, в Змеиногорском уезде из шести мировых судей остались на службе только двое¹¹³.

Попытка достичь одновременно удешевления и пространственной доступности суда, предпринятая в конце XIX в. при введении в Сибири Судебных уставов, не увенчалась успехом. Созданная в крае модель судоустройства и судопроизводства оказалась неэффективной: недофинансирование привело к судейской «нищете», перегруженности судей делами и понижению их авторитета в обществе.

¹⁰³ Сибирские отголоски. 1910. 26 октября.

¹⁰⁴ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 904, л. 50.

¹⁰⁵ РГИА, ф. 1158, оп. 1, д. 233, л. 52.

¹⁰⁶ ПСЗ-III. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35330.

¹⁰⁷ ГА ОО, ф. 25, оп. 1, д. 218, л. 38.

¹⁰⁸ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. Вып. 27. СПб., 1912. С. 206–207, 238–239, 254–255.

¹⁰⁹ В-й П. [Вологодский П. В.] Годовщина судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1898. 2 июля.

¹¹⁰ А.Х. Мировой судья в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 5/6. С. 41.

¹¹¹ Судебная реформа в Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 149.

¹¹² Анучин В.Н. Указ. соч. № 51/52. С. 71.

¹¹³ ГА ОО, ф. 25, оп. 1, д. 22, л. 60–60 об., 104–104 об.